

ЭЛВИС ЖИВ

ИДЕЯ – АНТОН КАЛИНКИН

Автор книги
НИКОЛАЙ РОМАНЕЦКИЙ
по сценарию
ДМИТРИЯ ИВАНОВА
и АНТОНА КАЛИНКИНА

18+

Николай Романецкий

ЭЛВИС ЖИВ

Серия «Городская проза»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/63018205>

Элвис жив / Николай Романецкий ; автор идеи Антон Калинин по сценарию Дмитрия Иванова и Антона Калининна: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-133042-2

Аннотация

<p>Максим Коробов по прозвищу Француз – несостоявшийся музыкант, но совершенно гениальный художник по свету. Его жизнь полна гастролей, тусовок, поклонниц и всего того, чем сопровождается жизнь успешного шоумена.</p> <p>Но однажды Максимилиано просыпается в странном месте: оно не похоже на ад или рай, а человек, назвавшийся гидом, очень напоминает... того самого Элвиса.</p> <p>Теперь Француз предстоит распутать цепочку событий, которые привели его сюда, и сделать все, чтобы спасти самого главного человека в его жизни.</p>

Содержание

Пролог	4
1. Накануне	8
2. «Бэдлам»	12
3. Накануне	14
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Николай Романецкий

Элвис жив

Пролог

Гид, стоя перед зеркалом, неторопливо брил собственный череп.

Он прекрасно помнил, что всякого рода косметическими процедурами обычно занимаются в ванной – в данном случае в гостиничном номере, где он давно уже проживал, – но с некоторых пор это не имело ни малейшего значения.

Главное, чтобы бритва была опасная – так волоски выбриваются наиболее чисто.

«“Жилетт” – лучше для мужчины нет!»

И для гида – тоже.

Гладкая кожа на собственной голове – решающий фактор при первой встрече с подопечным. Это как экран в старинной киношке. На нем можно показать любые картинки. Хоть охоту Хищника за Арнольдом Шварценеггером, хоть мирную беседу Йогана Вайса с Генрихом Шварцкопфом, хоть фигуру врага в прицеле героини-снайперши... Не имеет значения.

Как не имеет значения и время года на дворе.

Хорошо бы, конечно, чтобы случилась непогода. Чтобы на

улице дул сильный порывистый ветер, освобождающий кроны деревьев от желтой листвы. А над головой – быстро темнеющее небо, обещающее неизбежный скорый дождь. И чтобы немногочисленные прохожие спешили скрыться в теплых стенах своих берлог.

Гиду, в общем-то, все равно. А вот гость любит подобную погоду. Хотя это и странно. Такая любовь, скорее, подошла бы коренному петербуржцу, а не уроженцу курортного городка Южноморска. Впрочем, экскурсант же неплохо знаком с Северной столицей, бывал там не раз и даже жил некоторое время, имел на невских берегах кое-каких знакомых, сыгравших в его судьбе не самую последнюю роль...

Впрочем, это тоже не главное. Главное, что именно такая погода – а скорее, непогода – обязательно приведет к встрече... Необходимое, так сказать, условие в череде случайностей, которые сопровождают каждого человека. И некоторые из них совершенно не случайны. Но кто из подопечных об этом догадывается? А если кто-то и догадывается, все равно не в силах ничего изменить.

Фатум. Неизбежность. Божья воля. Судьба. Разные слова, обозначающие одно и то же...

Гид в последний раз коснулся лысого черепа бритвой и положил инструмент на столик трюмо. Некоторое время изучал отражение в зеркале.

– Нормально, – сказал он скрипучим голосом. – Но музыканты оценивают не только внешность. – Он прикрыл глаза,

пропел: – Би-бэ-ба-бо-бу-бы-ы-ы... Ми-мэ-ма-мо-му-мы-ы-ы... – И принялся упражняться, меняя согласные, пока после очередного экзерсиса скрип не превратился в глубокий баритон, а потом не поднялся до тенора.

Тогда гид открыл глаза и, по-прежнему глядя на отражение, пропел а капелла:

*Love me tender, love me sweet,
Never let me go.
You have made my life complete,
And I love you so.*

*Love me tender, love me true,
All my dreams fulfilled.
For my darlin' I love you,
And I always will.¹*

С каждой строчкой лицо певца оживало, в доселе равнодушном взгляде рождались любовь, сочувствие и печаль. Впрочем, они жили в нем всегда, эти дефекты, – потому его и определили в гиды. Иначе он был бы как все.

Наконец он прекратил петь и сказал:

– Совсем другое дело. Даже самое чуткое ухо ни в жизнь не отличит. – Он сложил бритву и убрал в верхний ящик трюмо. – Добро пожаловать!

И вновь печально улыбнулся собственному отражению.

¹ Love me tender – знаменитая песня Элвиса Пресли (прим. авт.).

Потом подошел к окну и выглянул наружу.

Гостиница стояла на берегу ласкового моря, над которым висело яркое полуденное солнце.

1. Накануне

– Меня, короче, один раз жуть как проперло от «Бэкстрит Бойз»! – Светка взяла у Люсинды сигарету, которую они курили на пару, неглубоко затянулась и затараторила: – Там этот беленький, такой прикольный вообще! А недавно я, такая, как дура, купила нового Эминема, меня от него раньше так перло, я, короче, даже жрать не могла, ну, я дождалась, такая, когда родаки набухались и спать завалились, такая, наушники надела, мне их Бард подарил, за то, что... Ну, короче, неважно, за что... Ну, в общем, включила взяла. Слушаю, и не прет, короче. Вот ни настолечко, прикинь!

«Что меня понесло сюда с этой лахудрой? – подумала Люсинда. – У нее-то все в шоколаде. Повезло дуре!»

Она оглянулась.

Позади на целый квартал протянулся высоченный глухой кирпичный заборище, за которым располагался какой-то давно уже не фурычащий толком завод. Когда-то забор не позволял работникам завода тырить выпускавшуюся тут неведомую фигню, теперь же на него лепили всякие рекламные плакаты. Типа «Сделай паузу – скушай “Твикс”!», «Встречай Новый год вместе с “Кока-Кола”» и прочая мура.

За спиной Светки и Люсинды забор был заклеен несколькими поколениями концертных афиш, и ветер резво поигрывал их обрывками. Правда, верхний слой был совершенно

свежий, не тронутый ни дождем, ни солнцем, и с него смотрели на окружающую предгорницкую действительность патлатые рожи музыкантов, о которых в последние дни городская молодежь прожужжала друг другу все уши.

Популярная рок-группа «Бэдлам» – во Дворце культуры «Кристалл»! Только один концерт!

Концерт этот состоялся вчера, и Люсинда со Светкой оторвались на нем по полной программе.

А теперь хотели проводить музыкантов – тянущаяся вдоль забора автомагистраль вела к аэропорту, и именно по ней должны были пронестись покидающие город великие музыкальные гости.

Надо было просто знать, в каком именно часу это произойдет.

Светка откуда-то знала.

Она вообще торчала от рокеров вчистую.

Вот и сейчас в нужном прикиде – напялила на себя футболку с изображением Цоя. Да и размалевана соответствующе, в готическом стиле: черный макияж, накрашенное белыми лицом и облупленный, опять же черный маникюр. В носу и в нижней губе – пирсинг. В пупке тоже, но под футболкой не видно.

В общем, для рокеров – своя в доску!

Не то что Люсинда! Вся в розовой гамме, тоже с облупленным, но розовым маникюром. Да и на майке вовсе не рок-музыкант. Разве что ударная мини-юбка примерно такая же,

как у Светки.

Ну, тут уж деваться некуда. Как говорит Изольда Викторовна, классная руководительница девятого «Б»: «С кем поведешься...» И насчет дружбы она, видимо, права. Но подруг не выбирают.

Светка еще пару раз жадно затянулась, вернула сигарету Люсинде и продолжила тараторить:

– Мне у «Бэдов» вокалист жутко нравится. Такой, короче, прикольный. Весь вечер орет как конченный. Я бы у него... ну, короче, неважно. А тебе кто?

– Ты че, совсем дура? – возмутилась Люсинда. – Забыла? Я же с Ди Каприо!

Светка внимательно, будто в первый раз увидела, оглядела изображение на футболке подруги. Пожала плечами:

– Не, Лео, конечно, тоже прикольный. Но я бы так не смогла. Три года с одним парнем...

Люсинда хотела было сказать все, что думает об этой дуре, но не успела, потому что та вдруг заорала, тыча пальцем в сторону:

– Мля, Люси, вон они появились!

Люсинда глянула вдоль забора и увидела выворачивающий из-за угла длинный черный сверкающий лимузин, от капота которого отражалось уже довольно яркое солнце. Следом за лимузином появился микроавтобус. Обе машины стремительно начали набирать скорость, не выказывая ни малейшего желания остановиться.

Да и глупо было бы надеяться на такое чудо.

Люсинда принялась прыгать и махать приближающемуся кортежу. Светка орала что-то неразборчивое, а потом задрала юбку, показывая пассажирам лимузина красные трусики.

Однако лимузин, понятное дело, со свистом пронесся мимо. За тонированными стеклами не было видно ровным счетом ничего. Если кто-то и обратил внимание на Светкины труселя, познакомиться ближе он не пожелал.

Да и в самом деле! Это они на сцене все такие напрочь доступные, а потом и не подойди. Да и на кой ему нужна пятнадцатилетняя девица? Глядишь, еще за связь с несовершеннолетней привлекут. Странно, что Барда это не колышет. Впрочем, Светке вроде уже шестнадцать.

Через несколько мгновений удаляющиеся машины уже не были слышны. Светка тоже перестала орать. И снова ветер зашелестел обрывками старых афиш.

«Все-таки ты, подруга, совсем без башни, – подумала Люсинда. – Я бы, окажись в такой ситуации, никогда не смогла бы показать Лео свои трусы!»

Ей сделалось очень грустно и больно.

Впрочем, дура Светка тоже не веселилась. Это хорошо было видно по ее лицу, когда она обернулась к Люсинде, но так и не нашла что сказать.

И Люсинде пришла в голову потрясающая идея – как прекратить эту невыносимую боль.

2. «Бэдлам»

С сайта «Энциклопедия русского рока»:

Группа «Бэдлам» была создана музыкальным продюсером Платоном Талесниковым в октябре 20** года, став самым успешным из его проектов. В первый состав вошли Герман Кулагин (бэк-вокал, бас), Юрий Смирновский (вокал, соло-гитара), Роман Дубинин (бэк-вокал, клавишные) и барабанищик Валентин Букреев.

Талесников сумел привлечь к работе с «Бэдламом» известного звукорежиссера Илью Зимина и художника по световому оформлению Кирилла Самохина.

Два года спустя Юрия Смирновского сменили Владимир Бельяминов (вокал, экс-«Плюмбум Аурум») и Михаил Воробьев (соло-гитара, экс-«Плюмбум Аурум»), а Валентина Букреева – Тимофей Баскаков (экс-«Галактос»). Первый концерт состоялся 29 декабря 20** года.

Через месяц фирма «Грибов Рекордс» выпустила первый компакт-диск группы – «Ботанические джунгли», разошедшийся миллионным тиражом. Композиции «Маришка-Мартышка» и «Мой брательник Шимпанидзе» несколько месяцев занимали верхние строчки различных хит-парадов. А сам диск годом позже получил престижную музыкальную премию «КРР» в номинации «Лучший старт».

В том же году началась гастрольная деятельность груп-

пы. За минувшее с той поры время «бэдламовцы» посетили с концертами более четырех сотен городов в Российской Федерации, Белоруссии, Украине, странах Средней Азии, в Германии, Франции, Великобритании и США. В ближайших планах группы – кругосветное турне.

3. Накануне

Максим остановил съемку и некоторое время изучал изображение на дисплее цифровухи.

Уже без малого три года, как Платоша повесил на него обязанности летописца «бэдламовцев», и мастер-художник по свету стал, помимо основной работы, снимать все эти гастрольные переезды и перелеты, чтобы вывешивать часть фоток и видеозаписей на официальном сайте группы.

Лишняя реклама никогда не помешает, а некоторые документальные материалы журналистского толка порой привлекают больше внимания публики, чем сами концерты. Вот эти красные трусы наверняка станут популярными. Не одна фанатка Вовца позавидует, что не ей удалось изобразить подобный «поп-арт».

Впрочем, Максиму дополнительные обязанности были не в лом – он во все времена любил фотографировать. А снимать фильм – еще проще.

Но зато и сейчас, в дороге, он вынужден работать, тогда как остальные гастролеры лениво поглядывают в затонированные окна лимузина...

Он нажал кнопку зума и изменил масштаб так, что на дисплее остались видны только лица двух фанаток, не пожалевших времени на ожидание «бэдламовцев». Грустные мордашки девиц, раскрашенные в боевые цвета охотниц за зна-

менитостями, почему-то тронули его за печенку.

Вспомнилась цитата из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова, та самая, из сцены, где антилоповцы, затаившись на обочине, следят за проезжающими участниками автопробега. Что-то типа «мимо пролетела настоящая жизнь»...

Вот так, по-видимому, и смотрели вслед лимузину две юные гопницы, оставшиеся позади, возле забора с концертными афишами всех времен. Бедные телочки даже не догадываются, что настоящая жизнь давно уже пролетела не мимо них, а мимо него, Максима. И уж наверняка они не читали Ильфа с Петровым и даже не слышали о таких писателях.

Кстати, любая из фанаток вполне могла бы оказаться дочкой Максима, кабы в годы, когда предки запроектировали этих красоток, он не рванул из родного города с целью покорить Белокаменную. Впрочем, он, конечно, не совсем прав: если посмотреть со стороны, дяденька – вполне преуспевающий представитель шоу-бизнеса, режиссер по свету охренительно модной группы «Бэдлам»... Подавляющее большинство из подававших когда-то определенные музыкальные надежды ровесников и того в своей жизни не добилось!

Максим убрал цифровуху в чехол и положил на свободное сиденье. Глянул на «бэдламовцев».

Пацанам вчера после концерта Платон сильно надраться не позволил – утром предстоял перелет в Южноморск. У хитрозадого продюсера даже такой пункт в договоре был предусмотрен – перед утренним перелетом излишнее упо-

требление спиртных напитков не допускается. С угрозой весьма внушительных штрафных санкций. По рюмочке-другой они, конечно, пропустить ухитрились, но это ж алкашу-профессионалу – как слону дробина.

Поэтому все с утра пребывали в густых минорах и курили травку.

Вовец Бельяминов, основной вокалист группы, обладатель голоса, от которого тащились вразнос такие вот дурочки, как оставшаяся далеко позади парочка местных фанаток, добив косяк, некоторое время смотрел прозрачным задумчивым взглядом в противоположное окно лимузина, на проносящийся желто-рыжий осенний пейзаж, а потом сказал с бесконечной печалью:

– Вот и вставило...

Герыч кивнул седоватой башкой, но скорее безразлично, чем соглашаясь с Вовцом. Как многие басисты, он был не слишком разговорчив. Зато родную гитару всегда настраивал, бурча что-то под нос. Некоторые всерьез утверждали, что он при этом молится рок-богу, дабы не лишил беглости пальцев, но это из них перла уже откровенная хрень – Герман Кулагин абсолютно не был религиозен, иначе бы из страха перед Создателем черта с два отзывался на свою кликуху. Он натянул по самые брови вязаную шапочку с лейблом «Спорт», с которой никогда не расставался на гастролях. Как будто ему внезапно стало холодно. Или кто-то невидимый шепнул в Герычево ушко некую весьма неприятную новость,

вызвавшую ледяную оторопь в душе.

Промолчал и Платон Иосифович, занятый удалением соринки с рукава своего отутюженного костюма-тройки, обладатель печальных еврейских глаз, взгляд которых будил у большинства окружающих желание кинуть ему монетку. Как говаривал дед Максима – мелочишку на молочишко...

Ну а король звукорежиссуры Илья Зимин по кликухе Зяма, меланхоличный, недвижимый и угрюмый, привычно прислушивался ко всему вокруг, и это увлекательное занятие не давало ему права на участие в разговоре.

Впрочем, оставшееся трио, включающее в свои ряды драмера Тимоху Баскакова, лидерушника Миху Воробьева и клавишника Рому Дубинина, тоже пропустило реплику Вовца мимо ушей.

Каждый был наедине со своими мыслями, каждому не хотелось шевелить языком.

Максиму тоже не хотелось – в конце концов, все уже годами говорено-переговорено, и ничего новенького и остроумного он бы из себя не выдал.

Да и не было никакого желания шутить. Перед глазами у него все еще стояли давешние грустные фанатки, и любая шутка сейчас была бы как серпом по известному месту...

Поэтому он откинул голову назад, коснулся затылком мягкого подголовника и прикрыл глаза.

Водитель, будто испугавшись наступившей тишины, включил какую-то местную радиостанцию.

Пару минут из колонок неслась всепобеждающая реклама с ее извечным лозунгом, укладывающимся в одно-единственное слово «Купи!», а затем жизнерадостный женский голосок с энтузиазмом сообщил, что к побережью приближается ураган и силы МЧС уже приведены в состояние готовности номер один.

Кто-то из соседей раздосадованно присвистнул.

– Ну вот, – проныл Зяма. – Как бы нас не тряхануло при посадке. А то еще бывает такая штукавина, как турбулентность...

– Заткнись! – коротко оборвал его Тимоха.

И Зяма заткнулся.

А Максим подумал, что с запланированным попаданием группы в его родной город могут возникнуть определенные проблемы.

* * *

Пока машины с музыкантами и аппаратом добирались до аэропорта, предупреждение об урагане по радио прозвучало еще дважды. Однако голубому безоблачному небу было глубоко наплевать на мнение господ метеорологов.

И поскольку любой знает, что последние лажают как минимум в половине прогнозов, то и волноваться больше никто не стал. Даже вечно озабоченный безопасностью своего существования Зяма угомонился.

Известное дело – то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет... Пятьдесят процентов прогнозов не сбывается, и никто этому не удивляется. А если и удивляются – то исключительно ради красного словца.

А потом водила и вовсе переключил приемник на шансонную хрень. Типа «вези меня, извозчик».

Местный же, что с него взять?

Да и в столице водилы сплошь и рядом хрень предпочитают. Если вдруг услышишь в такси какого-нибудь Карлоса Сантану, то перекрестись – не приснилось ли с бодуница! Хотя в последнее время – будем справедливы – порядки постепенно меняются. Таксеры начинают спрашивать, какое радио предпочитает пассажир. Глядишь, лет через десять по всей стране до такого дойдут, и осенит безудержное счастье наши музыкальные души...

Как бы то ни было, извозчик-лимузинщик их до парковки перед аэровокзалом довед. Без происшествий. И погодка оставалась – полный клевак. Грузись на борт воздушного судна да стартуй без сомнений!

Здание аэропорта оказалось вполне привычным для глаза человека, вынужденного часто летать по нашей великой стране: низенький и узенький вокзальчик на окраине не очень большого и совершенно некурортного города; пять, от силы шесть рейсов в день, больше – разве что перед Новым годом. Десять допотопных стоек регистрации, из которых работает только одна, при этом вполне справляясь с пас-

сажиропотоком. Засиженное мухами информационное табло с немалым количеством неработающих лампочек. Плюс неперенное добродушно-равнодушное поведение местного обслуживающего авиаперсонала.

Вполне может показаться, что все эти граждане – и не работники вовсе, а группа случайных людей, выдающих себя за единый трудовой коллектив. Просто у них ролевая игра повелась такая – каждое утро улавливать друг с другом, кто какие обязанности сегодня будет выполнять, и вперед, на мины!

По общей договоренности кто-то с утра играет роль дежурного; кто-то – буфетчицы; кто-то выглядывает из окошка справочной, при удаче безошибочно отвечая на заданный пассажиром вопрос. А кто-то просто шатается туда-сюда по зданию, надувая щеки, поигрывая огромной связкой ключей и время от времени скрываясь с неведомой целью за очередной дверью. И стоит пассажиру поставить свой багаж слишком близко от этой двери, как она немедленно распахнется, и обладатель ключей непременно сделает прощтрафившемуся бедолаге соответствующее замечание о безусловном соблюдении требований безопасности.

Эта должность наверняка считается самой престижной и самой непыльной, и каждое утро на нее заступает новый претендент, заслуживший такую ответственность по итогам вчерашнего рабочего дня...

Максим поневоле улыбнулся глупости посетивших его

мыслей и, прихватив цифровуху, выбрался из лимузина. А оказавшись на тротуаре, тут же надел маску матерого гастролера,двигающегося не спеша и с отвращением ко всему окружающему.

Впрочем, среди музыкантов он ничем не выделялся – все тут нагастролировались за свою жизнь. Работа такая, как говорится...

Поснимал некоторое время, как высаживаются «бэдламовцы», но ничего примечательного в кадр не попало.

Подкатил и микроавтобус с аппаратом. Разгрузили его и покидали барахлишко в тележки мужиков, которых по старинке называют «носильщиками», хотя они уже давно превратились в самых настоящих «возильщиков».

Подхватили ручную кладь и двинулись к входным дверям, сопровождаемые равнодушными взглядами служителей общественного порядка. Впрочем, менты наверняка были своим начальством проинструктированы, кто сегодня покидает их город. Большинство, надо полагать, только обрадовалось – вечером не придется торчать около ДК «Кристалл».

До начала регистрации на рейс время еще имелось. Платоша Талесников, как всегда, отвалил куда-то с намерением решить кое-какие организационные вопросы. В частности, ему требовалось получить разрешение на видеосъемку восхождения столичных знаменитостей на трап самолета. Ну и, если удастся, озаботиться тем, чтобы на борту им налили по рюмке-другой расслабляющего. Но не больше! Сегодня еще

работать, господа! Вот после работы – так и быть.

Господа всем кагалом повалили в туалет. Некоторые, пользуясь отсутствием продюсерского надзора, приложились там к бутылочке «Аква Минерале», в которой была во-все не вода. Самую малость, чуть-чуть, по глоточку.

Максим присоединяться к ним не стал – пить наравне с молодыми с некоторых пор перестало быть его жизненной задачей. За всеми событиями околонцертной жизни, как ни гонись, теперь не успеть. Да и не нужно.

Когда вернулись в зал ожидания, к Вовцу подтянулась парочка таких же патлатых, как и он, любителей автографов. Солист с упорством выполнил соответствующий пункт договора, и любители отвалили прочь ошастливленными.

Максим, как обычно, отснял сей процесс. И даже вывесил фотки в сеть. Пусть фанаты позавидуют прушникам!

А потом объявили регистрацию, и все вокруг потянулись в одном направлении.

Регистрационная стойка и в самом деле лихо справлялась с неожиданно возникшей очередью.

Максим, переставляя с места на место рюкзак (он любил мотаться на гастроли именно с рюкзаком), думал о том, что через пару часов уже окажется в родном городе, и мысли эти рождали в нем некоторый мандраж.

Два часа – ну, чуть больше – и он снова увидит полузабытые улочки Южноморска, уходящие от побережья к горам. Непременно смотается на родимый пляж, где поджари-

вал детскую тушку. И даже, вполне возможно, встретит знакомых с юных лет людей...

Хотя люди те, скорее всего, знакомыми вовсе не окажутся – все-таки двадцать с лишком лет отгрохотало. За такой срок даже мужики изрядно меняются, а уж тетки... Наверняка облезшие и потолстевшие. И его тоже вряд ли кто узнает. Все-таки ж он – не Вовец, чья волосатая рыха пол-Рунета заполонила. И все же, и все же...

Кабы он появился здесь тем путем, каким в родные города приезжают миллионы! Сошел с борта самолета или выполз из вагона – да и растворился в вокзальной толпе. Никто тебя не ждет, если заранее не сообщил. Заселился в гостиницу, да и таскайся по знакомым местам – хоть три дня, хоть две недели...

И если хозяин гостиницы – не бывший твой одноклассник, никто и не прознает о возвращении блудного сына.

А тут все иначе. Наверняка там рекламой все кругом заставлено. И пусть фотоморда на ней – Вовца. Но мелко, внизу, и родная фамилия присутствует. А как же? Платон – бизнесмен. И прекрасно понимает, что в городе многие помнят Максима-Француза, а значит, упоминание о нем всяко повысит шансы на аншлаг. А значит, и башли покруче навалются. И если бы Максим-Француз воспротивился упоминанию своего имени, первыми бы его не поняли все остальные «бэдламовцы».

Ты че, Максимилиано, не жмура ж лабаем! Они ж не толь-

ко на нас, но и на тебя припрутся, чтобы поностальгировать по своей молодости. Повздыхают, поохают, кто-нибудь из бабья слезу пустит по излишней душевной слабости. Ну, некоторые наверняка позавидуют малёхо, так ведь сам господь велел...

А и вправду, чего не позавидовать-то? Сколько лабухов два десятка лет назад рвануло в Нерезиновую, надеясь там прославиться и разбогатеть, да большинству товарищ обломидзе нарисовался во всю ширь. А ты, Француз, как-никак сквозь толпы страждущих пробился. Хоть и не на первые роли, но завидовать все равно есть чему. И наверняка есть кому.

Так что не хрен селезенкой миноры наигрывать!

И соратники абсолютно правы.

Вообще гастроль предстоит насыщенная. И не только привычными музоном да светомастерством.

Курта непременно надо встретить, с серферовской братвой повидаться. Потарахтеть найдется о чем. Жива там еще моя Сюзи, интересно? Жива, надо полагать, берегут, небось, как собственный бемоль!

И этот... который в те времена лабух лабухом был, в рот мне заглядывал... потом, триндели, очень большие надежды подавал... как же его? Подавал, подавал, да после и сгинул с роковских горизонтов. То ли спился, то ли на дозу сел, то ли просто грохнули на кирном слэме... Нет, не помню ни хрена, даже кликуха из башки напрочь вылетела...

Кстати, если бог руку приложит, то и Лена на концерт прискачет. Впрочем, нет, она ни за что не прискачет – после случившегося таких чудес не бывает... Но встретиться с ней надо будет обязательно, проявить, так сказать, уважение к давним чувствам. Кстати, у нее же бёздник где-то рядом, на днях!

Максим вытащил из кармана куртки потертую записную книжку.

Его уже не однажды поднимали с нею на смех.

Типа в двадцать первом веке такой, с позволения сказать, «раритет»!.. Стареешь, что ли, Максимильяно? Гаджеты-то всяко сподручнее...

Но выбросить записуху не поднималась рука. Всякий раз приходила мысль, что этот обтрепанный «раритет» – единственное, что еще связывает его с давно ушедшими годами и юношескими мечтами. Приходилось отражать наскоки насмешников по полной программе. Спьяну и кулаками помахать готов был. И книжка всегда оставалась с ним, только переползала из кармана в карман, когда одежду менял. В конце концов, могут же быть и у него некоторые причуды.

И насмешники наконец отстали.

Максим перелистал страницы и наткнулся на затертую черно-белую фотку.

Вот она, Ленка. Елена Волкова. Ровесница и одноклассница. Хотя сейчас, может быть, давно уже и не Волкова. А если не дура, то точно не Волкова.

Перевернул фотку обратной стороной. Там был записан Ленкин день рождения.

Ну да, не просто «где-то рядом», а завтра!

Что ж, наверное, это судьба.

Неприменно надо встретиться, даже если она не придет на концерт. Позвонить прямо завтра утром – уж пара часиков-то, если сегодня по окончании концерта в Южноморске не нажираться до поросычьего визга, всяко найдется. В общем, поздравить и попроситься на встречу. Не согласится – значит, не согласится, наше дело – прокукарекать, а там хоть не рассветай...

Короче, ладно, как сложится, так и сложится. Может, и с Куртом не встретишься, и Сюзи давно загнали...

Короче, будем посмотреть.

А потом ему пришла в голову странная мысль. Черт возьми, ведь, может быть, и неслучайно эти гастроли организовались именно сейчас?

Он не появлялся в родном городе по доброй воле около двадцати лет. Хотя возможности такие иногда нарисовывались. Впервые бывшие одноклассники пригласили его на десятилетие выпуска. Встретиться за ресторанным столом, принять на грудь водочки и закусить, похвастать друг перед другом, кто чего достиг за минувшие годы.

Одна беда – Максим на тот момент по большому счету еще не достиг ничего. Он представил себе, как начнут задавать вопросы, удивляться, сочувствовать. А кто-то – злорад-

ствовать. Пусть даже и в душе...

А спяну могут и напрямую заявить: «Ты, Француз, широко шагнуть решил! Вот тебе жизнь крылышки и подрезала, извини...»

Короче, не поехал он на ту встречу. Отбрехался полным отсутствием свободного времени. Мол, загружен, братцы, по самые помидоры, на носу новый проект, от которого зависит очень многое, так что извините, и рад бы, но из штанов не выпрыгнешь...

Как не поехал и еще через пять лет. А потом и на двадцатилетие. Да, кое-чего он к тому времени уже добился. Бабки в кармане окончательно появились. И хаза московская завелась. Но это было совсем не то, о чем мечталось в юности и после отъезда в Белокаменную. И вроде бы он смирился с систематической невезухой... но, видимо, не совсем, раз не приезжал на встречи. А сейчас, наверное, пришло настоящее время для того, чтобы наконец смириться. Или все-таки не смириться. Бывает же, везет людям несказанно и в таком возрасте. И, может быть, чтобы пруха открыла свои сладкие объятия, все-таки надо пройти хоть через какое-то унижение? Купить, так сказать, индульгенцию за прошлые грехи...

Мистика, конечно, но разве так не бывает в жизни?..

Судя по всему, у Вовца Бельяминова, стоявшего в очереди следом за Максимом, были сейчас совершенно другие заботы, потому что он тронул за плечо:

– Максимильяно, ты ведь здешний... Бывает так, что ме-

теорологи лажают? Я про обещанный ураган. Стремно что-то лететь. Хоть и на А319 нас собираются везти, а не на отечественном дерьме.

По спине Максима пробежал неожиданный холодок.

Надо же! Вовцу – и вдруг стало стремно!

Вот уж кто о предстоящем вообще мог не задумываться. Голос дай бог всякому, простуда к парню на памяти Максима никогда не приставала, заработка на выпить-закусить-покурить всегда хватает, от телок с самыми откровенными предложениями отбоя нет, график гастролей на год вперед расписан. И по России-матушке, и по Забугорью. О чем тут беспокоиться?

Лозунг всех последних лет – клево гастролировать, брателлы!

Да и сам Вовец совершенно не ссыкливый. Скорее уж, безбашенный, как сто китайцев!

И тут вдруг такому герою сделалось стремно...

Но поддаваться внезапно родившемуся у этого баловня жизни настроению – на хрен, на хрен!

Кому суждено быть повешенным, тот не утонет...

– Не пидай, Вова! Тебе господь предписал загнуться от бухла, а не с небес на землю сверзиться!

– А ты откуда знаешь? – удивился солист.

– Я не знаю, я догадываюсь.

Вовец покачал головой:

– Не поверишь, но мне когда-то цыганка и в самом деле

нагадала умереть от цирроза печени.

Максим фыркнул:

– То-то ты у нас абсолютный трезвенник!

– Так ведь если в такое верить, нужно всю жизнь изменить. Оно мне надо?

Да уж, тут он был прав. Музыканты трезвенниками не бывают.

И вообще, Высоцкий в свое время утверждал, что лучше от водки, чем от простуд.

– Ну, тогда тебе вообще за самолеты волноваться незачем. И вообще, не в первый раз летим! – Максим прищурился и погрозил пальцем. – А может, ты потому лететь не хочешь, что давешние красные трусики в самый ливер поразили, а? Задержаться захотелось?

Вовец мгновенно приободрился и ослабился:

– Да ну, Француз, скажешь тоже... У меня этих трусиков в коллекции как собак нерезаных. Всех цветов радуги. Если б хранил, шкафы бы переполнились... Хочешь, с тобой поделюсь?

– Не, братан, – мотнул Максим головой. – Я не фетишист, мне в кровать живое подавай.

– Вот и я не фетишист. Потому и коллекции нет.

Тут вернулся с переговоров Платон и показал Максиму большой палец:

– Снимать дозволили, Максимильяно. Я с местными договорился. Проблем не будет.

Максим кивнул.

Еще бы Платон не договорился! В стране не найдется человека, с кем бы он не нашел общего языка. Разве лишь президент. Да и то вряд ли... Бабло побеждает все. Ну а не бабло, так просто компакт-диск с автографом.

Платон огляделся и обнаружил свою ручную кладь у ног Герыча. А потом понесся организовывать приемку в багаж «бэдламовского» аппарата.

Слава богу, на такие вот гастроли для неизбалованных группа брала технику по минимуму. В основном обходились местными ресурсами.

Но кое-что летало и с музыкантами.

Одинокая работающая регистрационная стойка вполне успешно справилась со своей задачей, и в положенное время сегодняшний человек с ключами выпустил «бэдламовцев» с прочими пассажирами на летное поле.

На летном поле дул ветер и было бесконечно пусто.

Недалеко от здания гостей сиротливо ждал самолет. Вокруг него еще суетилась обслуга – загружали багаж. Ничего необычного. Как и, скажем, во Внукове. Разве что там порой тебя к борту на автобусике подвозят, а не пешедралом по бетону чапаешь.

Максим включил камеру и принялся снимать музыкантов. Каждодневная летопись гастроли хоть как-то спасала от скуки. Все топали с совершенно бесстрастными физиономиями, только Зяма изо всех сил изображал бодрость духа. У него

выражение лица сменится, когда запустят двигатель.

И дальше все было монотонно-привычно.

К самолету подогнули древний, но вполне работоспособный трап. Поднялись на борт, поздоровались с проводницами. Те сияли, ощущая свалившееся на их плечи счастье. Будет чем похвастаться перед родными и знакомыми.

«Бэдламовцев» провели в бизнес-класс, где они оказались единственными пассажирами.

Зяма, расположившийся через проход от Максима, задумчиво вытащил из сетчатого кармана на спинке переднего кресла рекламный буклет местной авиакомпании. Максим еще немного поснимал, а потом последовал его примеру – надо же как-то убивать оставшееся до старта время. На обложке буклета красовалась рискованно закладывающая поворот «Тушка», а выше – слоган компании: «С нами улетишь!»

Зяма помрачнел и спросил сидящего рядом Платона:

– Не в курсе, у этой авиакомпании падали самолеты?

– А они у них вообще взлетали? – с еврейской печалью вопросом на вопрос ответил тот.

Герыч даже не попытался снять свою вязаную шапочку.

Максим снова занялся видеосъемкой.

Вдоль рядов пошла стюардесса, очень симпатичная девушка с ладной фигуркой. По ходу принялась закрывать багажные полки, дабы при взлете никто из пассажиров не получил по тылке ручной кладью. Скромно улыбнулась камере

в руках Максима. Надо же, стесняется!

– А нельзя ли принести нам выпивку? – спросил Вовец.

То ли ему по-прежнему было стремно, то ли совсем за-скучал в ожидании.

Симпатичная стюардесса сбегала за занавеску, отделяющую салон от буфета, и после полуминутного отсутствия принесла рюмки на подносе, наполненные светло-коричневой жидкостью.

– Виски.

Видимо, Платону в очередной раз удалось решить не только вопрос с видеосъемкой, но проблему обеспечения VIP-персон расслабляющим.

Популярных музыкантов везде любят. Как и предлагаемые ими деньги...

Вовец взял рюмку и опрокинул содержимое в рот. Поморщился, но потянулся за второй.

– Хватит, – коротко сказал Платон, пресекая эту попытку.

Вовец снова поморщился, однако сразу угомонился. С работодателем не поспоришь.

Максим от выпивки снова отказался – как и в вокзальном туалете. Но если там потребовалось некоторое усилие воли, то здесь – нет, просто совершенно не хотелось.

Между тем угостившиеся начали погружаться в сонно-безразличное состояние.

Из-за занавески появилась торжественно улыбающаяся старшая стюардесса. Равнодушно-приветливо попривет-

ствовала пассажиров и принялась привычно пересказывать инструкции: как вести себя при аварийной посадке и как пользоваться спасжилетами. Сидящий рядом с Максимом Герыч надвинул поглубже шапочку, явно готовясь отойти ко сну.

А вот Зяме сделалось дурно. Он прикрыл глаза и откинулся на подголовник кресла, явственно сглотнув.

Сколько себя помнил Максим, звукорежиссера всегда трясло перед взлетом и посадкой. Остальные давно уже даже не ржали над его слабостью. В конце концов, у каждого свои тараканы... Зато во время полета Зяма обязательно отстегивался. Хотя и прекрасно знал, что при попадании в зону турбулентности пассажиры способны летать по салону как булжники. Но так ему было удобнее...

Главный пилот дежурными фразами поприветствовал пассажиров по трансляции.

Наконец двигатели заработали, погудели немного, и самолет сдвинулся с места, направляясь к взлетной полосе. Остановился на несколько мгновений.

Потом двигатели принялись набирать обороты.

Ну вот, остается меньше двух часов, и родной городишко распахнет перед нами свои дружественные объятия.

Зяма тут же принял «положение при катастрофе» – нагнув голову к коленям.

В былые времена ему, наверное, следовало бы доплачивать за вредный труд. Как работникам кузнечного цеха.

И молоко выдавать. Как ни крути, а при каждом перелете стресс у мужика...

Кстати, вполне может быть, что Платон ему и доплачивает: Зяма, опять же, как ни крути, – великий мастер своего дела.

Максим засунул цифровуху в сетчатый карман и глянул на остальных.

Музыканты делали вид, что дремлют. А может, и в самом деле уже дремали.

Вдруг двигатели резко сбавили обороты.

Все удивленно встрепенулись, приоткрыли глаза. Но заговорить не успели.

– Дамы и господа, – сказал голос пилота, – спасибо, что отдали предпочтение нашей авиакомпании. Приносим свои извинения, но рейс отменяется в связи с нелетной погодой в аэропорту Южноморска.

Максим машинально глянул в иллюминатор. На безмятежном небе, как и прежде, не наблюдалось ни единого облачка.

* * *

Когда выгрузились и вернулись в здание аэровокзала, Платон отправился на переговоры с местным начальством, чтобы прояснить ситуацию. А когда вернулся, сообщил:

– Парни, перспективы крайне туманные. Метеорологи

внятного ответа не дают. Вполне может получиться так, что аэропорт в Южноморске откроют только к вечеру. А то и вообще завтра. У нас есть два варианта: либо воспользоваться автомобильным транспортом, либо ждать.

– На автомобиле через горы катить часов шесть, – сказал Максим. – Мы все равно не успеваем подготовиться к сегодняшнему концерту. Да и вымотает всех. К тому же в горах тоже с большой вероятностью будет хреновая погода. А там опаснее будет, чем в самолете. Можно и костей не сосчитать при езде по серпантину.

– То есть ты полагаешь, что имеет смысл переждать непогоду тут, в Предгорице?

– Несомненно. Здесь уж точно ничего не случится. Разве что землетрясение...

– Типун тебе на язык, Максимилиано!

– Я пошутил, Платон Иосифович. – Максим не смог сдержать улыбку, увидев перепуганную физиономию Зямы. – Больше трех баллов никогда не случилось... Сможешь перенести концерт?

– Смогу, разумеется. Это ж явный форс-мажор. В договорах с местными организаторами такие вещи предусмотрены.

– Значит, переноси.

– Ясно. Есть у народа другие мнения?

Других мнений не нашлось, и Платон побежал окончательно договариваться с начальником аэропорта.

Когда он ушел, Вовец, Тимоха и Рома тут же приложи-

лись к пластмассовой фляжке, добытой из сумки Герыча. Это «мнение» их интересовало намного больше.

Максим и сейчас пить не стал. По-прежнему желания не возникало.

Но главное заключалось вовсе не в отсутствии тяги. Ему вдруг пришло в голову, что сей мыслительный орган сегодня запросто может понадобится хозяину в трезвом состоянии.

В первый момент, когда объявили об отмене рейса «Предгорница – Южноморск», он, несмотря на предыдущие здравые мысли, даже порадовался, что встреча с родным городишкой откладывается. Однако потом ему сделалось стыдно. В конце концов, впереди у него явно не возвращение блудного сына. Ибо для подобного возвращения не хватает жалости к самому себе и жажды повиниться.

А главное, в связи со случившимся форс-мажором у него появилась возможность совершить то, на что никогда бы не нашлось времени при нормальном раскладе. Надвигавшийся ураган предоставил приличную паузу в гастрольном расписании. Пока «бэдламовцы» дождутся летной погоды, пока снова погрузятся на самолет, пока прилетят... Даже в худшем случае у него будет минимум полсуток.

И он прекрасно понимал, что этим окном надо воспользоваться. Иначе он никогда себе не простит. А другого такого случая может и не представиться. И вообще, чтобы пошла пруха, может быть, совсем не обязательно проходить через непереносимое унижение?.. Может, есть неунизительные

встречи?

Платон вернулся от местного авиационного начальства с добрыми вестями. Ему удалось договориться, чтобы основной багаж «бэдламовцев» остался на хранении в аэропорту. Сегодняшний концерт в Южноморске перенесут на послезавтра. Завтрашний состоится, как запланировано. Если непогода в Южноморске прекратится, они вполне успевают. Метеорологи, правда, пока ничего не обещают, но можно будет скорректировать планы и завтра.

А кроме того, он нашел гостиницу недалеко от аэровокзала. Уровень, конечно, не тот, что в «Центральной», где они провели двое последних суток, но и, судя по отзывам аэропортового руководителя, вовсе не клоповник.

Так что, парни, сейчас покидаем эти негостеприимные пены, берем такси и отправляемся туда. Если у метеорологов нарисуеться погодное окно, нам сообщат.

Тут Максим к нему и подвалил:

– Слушай, Платон Иосифович... Мне бы все-таки надо попасть в Южноморск сегодня. Разреши отвалить. А там я вас встречу. Только в тамошнюю гостиницу позвони, чтобы меня заселили. А то в наши забронированные номера наверняка кого-нибудь впихнут.

Платон встретил предложение в штыки.

– Максимильяно, ну ты же не мальчонка! – заорал он, размахивая руками и брызжа слюной. Видимо, разговор с местным начальством все-таки стоил ему кое-каких нервов. – Ты

же знаешь: один отвалит, и все захотят. Ну посмотри на них, они же уже хотят! – Он кивнул на безразличные лица музыкантов. – Расползутся, как тараканы по щелям, и попробуй их собери! По всей Предгорице бегать придется... Не дури ради бога. Перекантуемся в гостинице, а потом – два часа... ну три, и мы в Южноморске. Я обязательно выделю тебе пару часов на твои дела. Вот провалиться мне на этом самом месте!

«Ну, нет, – подумал Максим. – Знаю я эти ваши обещания. Не первый год замужем. А главное, чтобы побывать на Нашем Месте, пары часов никак не хватит. А съездить туда надо обязательно. Пусть даже и одному».

– Извини ради бога, Платон Иосифович, – сказал он, вешая рюкзак на плечо. – Мне не в тараканью щель, мне в родной город надо позарез. Ты меня знаешь, я всегда шел навстречу производственным интересам. Так пусть хотя бы раз и мне навстречу пойдут. – И, улыбнувшись, потопал на стоянку маршруток.

Можно было бы, конечно, взять такси. Но продолжать общение с Платоном – а он непременно станет ныть, пока их пути на сегодня окончательно не разойдутся, – на хрен, на хрен!

Решительные поступки надо совершать в одночасье.

Маршрутка привезла Максима на автовокзал.

Народа тут было побольше, чем в аэропорту. Что неудивительно: по земле добраться из краевого центра на побережье дешевле, чем по воздуху. Одни пассажиры стояли в очереди в кассы, другие, таская за собой груженные тележки на колесиках, бегали от дверей, ведущих на посадочные платформы, к туалету и обратно, третьи внимательно изучали карту маршрутов и расписание автобусов.

К последним Максим и присоединился. Некоторое время бегал глазами по строчкам, пока не убедился: автобусы из Предгорицы в Южноморск, как в старые времена, по-прежнему ходят. И ближайший – всего-то через час. Дай бог, чтобы билеты на него были. Потому что следующий – аж через четыре часа, и доберешься на нем только к вечеру. Встретиться со старыми знакомыми, конечно, не помешает, но, во-первых, количество таких встреч придется сократить, а во-вторых, терять столько времени впустую...

И он отправился к кассам. Однако едва успел встать в очередь, как скучный женский голос объявил:

– Уважаемые пассажиры! В связи с приближающимся к побережью штормом все рейсы в направлении Южноморска отменяются. Вы можете сдать купленные билеты или обменять на другие рейсы при наличии свободных мест. Прино-

сим извинения за доставленные неудобства.

Народ явно заволновался. Кое-где зазвучали вопросы об альтернативных вариантах.

Максим тут же выскочил из очереди.

Значит, те, кому в Южноморск нужно сегодня позарез, кинутся сейчас на такси. А таксеры немедленно поднимут плату за проезд сверх счетчика. А она, надо полагать, и по счетчику-то немаленькая. Но пока имеется какой-никакой шанс успеть удрать отсюда по старым расценкам. Как известно, кто первым встал – того и тапки...

Он ринулся на стоянку такси.

И круто обломался.

Первый же таксист, к которому он подскочил, молодой кавказец, сказал:

– Извыни, брат, я туда нэ поеду. Жызьнь дороже.

– А за три счетчика?

– Даже за дэсять нэ тронусь. Мертвому дэньги нэ нада!

– Ладно. – Максим пожал плечами. – Поищу других.

– Нэ найдешь, брат! Дураков нэт!

Он оказался прав. Четверть часа поисков ушли впустую.

У последнего отказчика Максим спросил:

– А где у вас бомбилы нашего брата караулят? Должно же быть такое место!

– В Южноморск и бомбилы не поедут, – уверенно заявил таксист. – Им тоже жить хочется.

– А как же мне отсюда свалить?

– А никак! Жди, пока погода наладится. Или на собственной машине поезжай. На свой страх и риск. Тут тебе никто не сможет помешать. Даже гибэдэдэшники.

Максим уныло потопал со стоянки.

Собственная машина осталась за тысячи километров отсюда, в Москве-матушке.

И тут ему в голову пришла весьма неглупая мыслишка.

Кто-то, помнится, говорил, что в Предгорице живет Бард, давно уже переехал из Южноморска в поисках рокерского счастья. И телефон его, кажется, давали. Правда, звонить по этому номеру прежде не доводилось. Вроде повода не было, а болтать с Бардом без повода...

Что ж, вот вам и повод, серьезнее на сегодняшний день хрен найдешь...

Он снова вытащил из кармана записуху-раритет. Едва открыл, под пальцы тут же сунулась Ленкина фотография, но он аккуратно перелистнул страничку дальше.

Ага, вот нужная, на букву «Б». А на ней, в самом низу, номер Барда. Как хорошо, что когда-то записал вроде бы совершенно ненужный номер!

Максим вытащил из кармана смартфон и набрал, то и дело сверяясь с записью, одиннадцать цифр.

Вместо гудков зазвучала мелодия песни Розенбаума «Вальс-бостон».

Ну ни хрена ж себе! Какое позорище для рокера! Сдулся, мужик, что ли? До попсовых рингтонов докатился...

Потом в трубке возник давно забытый, но неожиданно знакомый голос.

– Слушаю вас внимательно.

– Алло, Бард, ты? Привет, это Максим.

– Максим? Какой Максим?

– Коробов. Ну, Француз!

– А-а, Француз! Сколько лет, сколько зим...

Голос давнего приятеля сопровождался инструментальной музыкой, и музыка эта ничем не отличалась от мелодии рингтона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.